

СТАТЬИ

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

DOI: 10.31857/S086919080025205-2

НАСКОЛЬКО МАСШТАБНО И БЫСТРО
РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ ДОГОНЯЮТ РАЗВИТЫЕ?¹

© 2023

В.А. МЕЛЬЯНЦЕВ^а

^а – Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-9139-2753; vamel@iaas.msu.ru

Резюме: В статье, основанной на ряде авторских расчетов, индексов и моделей, исследуются экономические достижения развивающихся стран (РС) на фоне развитых государств (РГ). Показано, что, если в РГ, несмотря на сохранение ими в целом лидирующих позиций в сфере инноваций и современных технологий, произошло – вследствие утраты демографического дивиденда, деиндустриализации и сокращения нормы капиталовложений – каскадное снижение темпов прироста подушевого ВВП (ПВВП) и совокупной факторной производительности (СФП; в среднем с 2,5% в год в 1950–1980 гг. до 1,6% в 1980–2000 гг. и 0,7% в 2000–2022 гг.), то в целом по РС ситуация более оптимистичная.

Хотя (а) во многих странах т. н. Глубокого Юга макроэкономическая результативность в целом невысока, (б) большинство афро-азиатских и латиноамериканских стран переживает острые экологические и социальные проблемы, (в) РГ проводят политику сдерживания роста ряда РС, в целом они, благодаря успехам Китая, Индии, других, преимущественно азиатских РС, осуществивших прагматичные реформы и экспортно-ориентированную индустриализацию, добились значительного прогресса.

В последние два десятилетия с небольшим РС опережали в целом РГ по эффективности капиталовложений в 2,5 раза, по средним темпам прироста промышленного производства и СФП – соответственно в пять и два раза. Их доля в мировом ВВП, выросшая за последние сорок лет в полтора раза до 3/5, может, по имеющимся прогнозам, увеличиться к середине века до 3/4. Иными словами, примерно через три десятилетия соотношение экономической мощи стран Востока и Юга и стран Запада (в пользу первых) вполне возможно будет таким, каким оно было в планетарной экономике до промышленной революции и колониального порабощения первых последними.

Ключевые слова: развитые и развивающиеся страны, модели роста, инновации, производительность, конвергенция, инклюзивные реформы.

¹ Статья подготовлена в рамках НИР ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова по теме «Страны Азии и Африки в мировой экономике и международных хозяйственных отношениях».

Для цитирования: Мельянцев В.А. Насколько масштабно и быстро развивающиеся страны догоняют развитые? *Восток (Oriens)*. 2023. № 3. С. 6–20. DOI: 10.31857/S086919080025205-2

HOW SUBSTANTIALLY AND FAST ARE DEVELOPING COUNTRIES CATCHING UP WITH THE ADVANCED ECONOMIES?

© 2023

Vitalii A. MELIANTSEV ^a

^a – Institute of Asian and African Studies, MSU, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-9139-2753; vamel@iaas.msu.ru

Abstract: *The article, based on a number of the author's own calculations and models, shows that the advanced economies (AEs), despite the fact that they maintain their leading positions in modern technologies, demonstrate a cascade slowdown in the growth rate of per capita GDP and total factor productivity (TFP) due to the loss of their demographic dividend, deindustrialization and contraction in the rate of capital formation. Meanwhile, the situation in developing countries (DCs) is on the whole more optimistic.*

Although (a) many DCs are experiencing acute social problems, (b) the AEs pursue a growth detainment policy towards a number of DCs, in general they have made significant progress due to the success of China, India and other, predominantly Asian DCs that have implemented pragmatic reforms and export-oriented industrialization.

In the last two decades the DCs generally outperformed the AEs in terms of capital investment efficiency by 2.5 times, in average growth rates of industrial production and TFP – by five and two times, respectively. Their share in the world GDP, which has risen by a factor of 1.5 to 3/5 over the past forty years, may, according to available forecasts, increase to ¾ by the middle of the century. In about three decades, the ratio of economic power of the countries of the East and the South and the countries of the West (in favor of the former) will quite possibly be approximately the same as it used to be before the industrial revolution and colonial era.

Keywords: developed and developing countries, growth models, productivity, convergence, inclusive reforms.

For citation: Meliantsev V.A. How Substantially and Fast Are Developing Countries Catching Up with the Advanced Economies? *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 3. Pp. 6–20. DOI: 10.31857/S086919080025205-2

В настоящее время весьма важно разобраться в сути глубинных противоречий, которые стали буквально разламывать нашу планету, деля ее *в тенденции* на два блока – обобщенно the West and the Rest (см.: [Абрамова, Фитуни, 2020; Rodrik, 2022]). Как представляется, РГ, сохраняя лидерство в ряде ведущих отраслей и технологий, теряют многие конкурентные преимущества (см.: [Мельянцев, 2021]), чем дальше, тем больше сдавая – не без жесткого боя – свои позиции в мировой экономике быстро модернизирующимся РС.

Опираясь на ряд индексов, расчетов и моделей, попытаемся, не претендуя на окончательные выводы, уточнить важнейшие контуры происходящей глобальной конвергенции по уровню развития стран Востока и Юга, с одной стороны, и РГ – с другой², ее важнейшие составляющие, факторы и последствия.

² См. также [Акаев, 2015].

ДИНАМИКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И РАЗВИТИЯ

Человеческая цивилизация, пройдя за многие сотни и тысячи лет своего существования через суровые, нередко экзистенциальные, испытания – пандемии, глубочайшие экономические, мальтузианские и экологические кризисы, геополитические шоки, гражданские, локальные, региональные и мировые войны, сопровождавшиеся достаточно часто чудовищными по своим масштабам актами геноцида в Европе, Азии, Америке, Африке и Австралии, массовым порабощением одних народов другими, сумела (почему и как все еще недостаточно исследовано) за последние пару столетий с небольшим осуществить гигантский рывок в своем развитии – встать на путь т. н. современного экономического роста. То есть сравнительно быстрого, пока еще, подчеркнем, преимущественно экстенсивно-интенсивного, но все более и более инновационно-ориентированного роста.

При этом колоссальные геополитические и геоэкономические пертурбации, происходившие в мире в этот период, свидетельствуют о том, что, несмотря на ряд хотя и возросших, но недостаточных усилий, предпринятых международными организациями и правительствами многих РГ и РС, экономический рост в глобальной экономике (был и) остается далеко не инклюзивным, а напротив, весьма неровным и неравномерным [Дерюгина, 2020; Цветкова, 2020; Акимов, 2022; Мельянцев, 2022 (2)].

По нашим расчетам (см. диагр. 1), среднегодовой темп прироста (СГТП) ПВВП в целом по планете вырос с почти нулевой отметки (0,0–0,1%) в доиндустриальную эпоху в 1000–1800 гг. до 0,6–0,7% в период становления индустриальной цивилизации в странах Запада и Японии и колониального освоения ими большей части оставшегося мира в 1800–1950 гг. (в ныне РГ 1,1–1,3% – *втрое-вчетверо* больше, чем в колониях, полуколониях и отставших странах (0,2–0,4%)).

В 1950–1970-е гг., в которые происходила реиндустриализация РГ, а также деколонизация и первичная модернизация стран Востока и Юга, СГТП ПВВП в целом по миру вырос более чем вчетверо – до 2,7–2,8%. При этом в среднем по РС, несмотря на примерно вдвое более высокий СГТП численности их населения, чем в РГ (2,1% vs 1,1%), СГТП их ПВВП оказался лишь немногим более чем на четверть ниже, чем в последних (2,6% vs 3,6%).

В последние четыре с небольшим десятилетия, в которые развернулись информационная революция и широкомасштабная глобализация, вызванные ими глубокие финансово-экономические и социальные противоречия (о чем – ниже), привели, несмотря на достигнутый НТП и углубление МРТ, к торможению СГТП ПВВП в мире примерно до 2%. При этом страны «золотого миллиарда», являясь пока еще основными генераторами инновационного и технологического развития в мире, но быстро теряющие демографический дивиденд, имеющие в ряде сегментов экономики более высокие сравнительные издержки производства, чем ряд РС, и во многом «подсевшие» на т. н. финансовую ренту [Аджемоглу, Робинсон, 2021, с. 648–650], обнаружили каскадное снижение СГТП их ПВВП: до 2,3% в 1980–2000 гг. и 0,9–1% в 2000–2022 гг.

Между тем в целом по РС СГТП их ПВВП после периода, на который пришлось резкий спад цен на энергосырьевые ресурсы, распад / развал мировой системы социализма и Азиатский финансово-экономический кризис, удвоился – с 1,8% в 1980–2000 гг. до 3,6% в 2000–2022 гг., почти вчетверо превзойдя скромные достижения полустагнирующих экономик Запада и Японии. Это прежде всего связано с успехами экспортоориентированной индустриализации азиатских стран.

Почеркнем, однако, что, если СГТП ПВВП в среднем по странам Южной Азии (ЮАЗ) и РС Восточной Азии (ВАЗ) достигал в 1980–2000 гг. соответственно 3,1 и 5,9% и в 1980–2022 гг. – 4,2 и 6,1%, то в трех других крупных регионах Востока и Юга, большинство

стран в которых специализируется на экспорте сырья и товаров их первичной переработки и, как правило, в целом уступают многим азиатским РС в последовательном проведении прагматичных институциональных и экономических реформ, он был намного ниже. В рассматриваемые два периода упомянутый показатель по ним вырос, но был невысоким: в среднем по странам Латинской Америки (ЛА) 0,4–0,5% и 1,2%; по арабским странам (АС) (–)0,1–0,2% и 1,1%; по Африке южнее Сахары (АЮС) (–)0,8–1,2% и 1,3% (рассч. по источникам к диагр. 1).

Средние темпы прироста ПВВП зависят от многих факторов, в т. ч. от того, *насколько темпы устойчивы*. Сделанные нами расчеты показывают, что, вопреки расхожим представлениям, коэффициент их вариации в целом по РС в 1981–2022 гг. (81%) оказался более чем на четверть ниже, чем в среднем по РГ (113%).

При этом в более динамичных азиатских РС этот параметр (в РС ВА3 – 33%, ЮАЗ – 62%), которому придается немалое значение в их макроэкономических стратегиях, был многократно ниже, чем в АЮС (1150%), ЛА (270%) и АС (875%). Расчеты показывают, что корреляционная связь между величиной средних темпов прироста ПВВП и их погодовой вариацией достаточно высокая (по шкале Чеддока), отрицательная ((–)0,71) и значимая ($p < 0,1$) (рассч. по источникам к диагр. 1).

Относительное отставание по уровню ПВВП ныне РС в среднем от РГ, возросшее (в «размах» с 1,5 в 1800 г. до 5 – в 1950 г., 6,6 – в 1980 г. и 7,3 – в 2000 г., в последние два с небольшим десятилетия – на фоне резкого спада в динамике ПВВП в РГ – сократилось до 4,1 раз в 2022 г., в т. ч. весьма круто в целом по РС ВА3 – с 19,7 в 1980 г. до 3,3 в 2022 г., по ЮАЗ – соответственно с 17,5 до 7,5 раз.

Между тем показатель отставания по ПВВП от РГ вырос в 1980–2022 гг. по ЛА – с 2,2 до 3,1 раз, по АС³ – с 2,2 до 3,5 раз и по АЮС в среднем с 11 до 13,2 раз. Высокие значения показателя по ЮАЗ, и особенно АЮС, в которых сосредоточена основная часть критически бедного населения мира, – свидетельство серьезных сбоев процесса его глобализации.

Используя для более комплексной оценки достижений РС *индекс человеческого развития* (ИЧР)⁴, заметим, что если в 1800–1950 гг. колониальные и зависимые страны отставали по его СГТП от ныне РГ в среднем почти вдвое (0,5% vs 0,9%), то в 1950–2022 гг. РС, вступив на путь реформ и преобразований, по рассматриваемому показателю (1,9%) сумели на 3/5 опередить РГ (1,2%; рассч. по диагр. 2). В результате *относительное отставание* в целом по РС по уровню ИЧР от РГ, возросшее с 1,8 в 1800 г. до 3,5 раз в 1950 г., сократилось до 2,8 раза в 1980 г. и 2,2 в 2022 гг., но остается весьма высоким по двум вышеупомянутым регионам Глубокого Юга.

Успехи РС, которые в целом сумели, вопреки предсказаниям западных экспертов, значительно нарастить долю вложений в физический и человеческий капитал в ВВП [Мельянцеv, 2022(1)], активизировать приток ПИИ⁵, улучшить в целом качество госуправления, весьма рельефно проявляются в том, что *доля РС в приросте мирового ВВП* выросла с менее 1/3 в 1800–1950 гг. (когда многие из них были колониями и полуколониями) до не менее 2/5 в 1950–2000 гг. и 3/4 (!) в 2000–2022 гг. (рассч. по источникам к диагр. 1). *Вклад Китая в прирост мирового ВВП* увеличился с менее 1% в 1800–1950 гг. и 3–4% в 1950–1980 гг. до 10–12% в 1980–2000 гг. и 28–29% в 2000–2022 гг., в то время как по США он, напротив,

³ В АС разрыв по уровню ПВВП (в ППС 2017 г.) в 2021 г. превышал 80-кратную величину: в Катаре 92,9 тыс. и Сомали 1,1 тыс. долл.

⁴ Среднее геометрическое невзвешенное относительных индикаторов ПВВП, уровней образования и здравоохранения.

⁵ В 2000–2021 гг. почти вчетверо до более 800 млрд долл. – с менее 1/5 до более 1/2 от общемирового показателя (Рассчитано по [UNCTADstat]).

весьма значимо сократился – с немногим менее 1/3 в 1800–1950 гг. до 1/5 в 1950–2000 гг. и 1/10 в 2000–2022 гг.

МОДЕЛИ И ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Сфера, в которой наиболее заметно опережение развивающимися странами развитых государств по динамике производства, – это промышленность. В РГ деиндустриализация и сервисизация экономики⁶, а также офшоризация производства, происходившие в последние десятилетия, привели к тому, что СГТП их промышленной продукции в 2000–2021 гг. не превышал 1,0–1,1% (в США и Германии 1,1%, в Японии 0,5–0,6%). Между тем РС по рассматриваемому показателю в целом, практически по В. Высоцкому, «уже пятикратно выходят вперед»⁷ (5,5%⁸; в Индии свыше 6%, в КНР 8–9%).

Согласно рассчитанной нами модели⁹, в 2000–2021 гг. более высокий СГТП ВВП в РС (4,3%)¹⁰ по сравнению с РГ (1,2%) определялся на 1/3 – их (РС) более низкими значениями исходного уровня ПБВВП и на 2/3, т. е. главным образом, – более чем восьмикратным превосходством РС над РГ в СГТП промышленного производства (средневзвешенные значения соответственно равнялись 4,3% и 0,5%).

$$\text{GR_Yi} = 2,16 - 0,03 * \text{Y/P2000i} + 0,54 * \text{GR_INDi}$$

(p<0,001) (p<0,001) (p<0,001)

$$\text{F-StatProb} = 6,82\text{E-}22; \text{R}^2\text{adj.} = 0,86.$$

Примечание. **GR_Yi** – СГТП ВВП (%), **Y/P2000i** – подушевой ВВП в 2000 г. в тыс. долл. и ППС 2017 г., **GR_INDi** – СГТП промышленного производства; **i** – страна (рассч. по источникам к диагр. 1).

Справедливости ради отметим, что, хотя РС в начале 2020-х гг. в целом опережали РГ (а) по доле обрабатывающей промышленности (ОП) в ВВП – на треть (в целом 19% vs 14%), (б) по доле в общемировой добавленной стоимости, создаваемой в ОП (рассчитанной в ППС), также на треть (57% vs 43%), (в) по доле в мировом экспорте высокотехнологичных товаров – более чем на 2/3 (63% vs 37%), они в среднем, несмотря на огромный прогресс прежде всего в Китае и новоиндустриальных странах, по уровню производительности труда все еще в 2,6–2,8 раза отставали от РГ (рассч. по источникам к диагр. 1).

Представляется полезным смоделировать процесс экономической конвергенции РС и РГ, используя несложную мультифакторную модель, учитывающие важнейшие внутренние и внешние макроэкономические, а также институциональные факторы.

$$\text{GR_Yi} = 1,95 - 0,07 * \text{Y/P2000i} + 0,065 * \text{mPKHKi} + 0,23 * \text{GR_Xi} + 0,032 * \Delta \text{INSTi}$$

(p<0,01) (p<0,01) (p=0,01) (p<0,01) (p=0,01)

$$\text{N} = 55; \text{F-StatProb} = 2,16\text{E-}17; \text{R}^2\text{adj.} = 0,79.$$

⁶ В среднем по РГ доля индустриального сектора в приросте ВВП сократилась почти вдвое – с 27–28% в 1980–2000 гг. до 14–16% в 2000–2021 гг., а доля сферы услуг, напротив, выросла с немногим менее ¼ до примерно 4/5. Рассчитано по источникам к диагр. 1.

⁷ У В. Высоцкого в песне «Профессионалы» (1967 г.): «а наши ребята (за ту же зарплату) уже пятикратно выходят вперед».

⁸ Цифры по РГ и РС – средневзвешенные.

⁹ Рассчитано по источникам к диагр. 1 по 51 стране, на которые приходится свыше 9/10 численности населения и ВВП планеты.

¹⁰ Все параметры здесь – средние невзвешенные.

Примечание. GR_Yi – СГТП ВВП (%), $Y/P2000i$ – подушевой ВВП в 2000 г. в тыс. долл. и ППС 2017 г., $mPKHKi$ – доля в ВВП инвестиций в физический и человеческий капитал (%); GR_Xi – СГТП физического объема экспорта товаров и услуг (%); $\Delta INSTi$ – прирост за период параметра качества государственных институтов по имеющимся сопоставимым данным (среднее невзвешенное изменения показателей эффективности государства и верховенства закона, в проц. пунктах); i – страна.

Рассчитано по 55 крупным и средним РГ и РС, по которым была необходимая информация. Все параметры статистически значимы. Регрессоры объясняют примерно 4/5 вариации зависимой переменной (СГТП ВВП) (рассч. по источникам к диагр. 1).

Нами выявлено, что *опережение по СГТП ВВП* крупными динамичными странами ВА3 и ЮА3 ведущей шестерки РГ (в 2000–2021 гг. 7,4% vs 1,4%) объясняется:

(а) на 2/5 – в среднем более низким у первой группы *исходным уровнем ПБВВП* (в 2000 г. соотв. 4,4 тыс. долл. и 45,4 тыс. долл. в ППС 2017 г.);

(б) на 1/5 – более высокой у первой группы *долей вложений в физический и человеческий капитал в ВВП* (в среднем за период соотв. 43% и 29%);

(в) более чем на 1/4 – более высоким *СГТП физического объема экспорта товаров и услуг* (соотв. в среднем 8,7 и 2,4%)¹¹;

(г) на 1/10 – разницей в приросте за период *показателя качества институтов* (среднее невзвешенное индикаторов эффективности государства и верховенства закона (соотв. (+) 16 и (–) 3 проц. пункта)).

Мобилизовав прежде всего внутренние источники финансирования и обеспечив солидный приток ПИИ (см. выше), РС сумели в целом, вопреки ранее сделанным западными экономистами прогнозам, не только существенно увеличить *долю вложений в физический капитал в ВВП* (с 6–8% в 1800–1950 гг. до 20–21% в 1950–1980 гг., 22–24% в 1980–2000 гг. и 26–28% в 2000–2022 гг.)¹², но и перегнать РГ как по этому важнейшему макроэкономическому показателю, так и по *эффективности капиталовложений*.

В отличие от РГ, в которых *коэффициент предельной капиталоемкости роста* (КПКР)¹³ ВВП в целом вырос с 4,3 в 1950–1980 гг. до 7,5 в 1980–2000 гг. и 13,8 (!) в 2000–2022 гг., в результате чего *эффективность капвложений* снизилась втрое, в среднем по РС КПКР хотя и вырос, но не столь круто, как по РГ. В 2000–2022 гг. он достиг в 2,5 раза меньшей величины (5,5), чем в среднем по РГ, в т. ч. в ЮА3 4,8, в РС ВА3 и даже в АЮС 5,5. Однако оказался несколько выше, чем в среднем по РС, – по АС (6,2) и существенно выше по ЛА (8,3)¹⁴.

Наши расчеты по формуле Харрода-Домара¹⁵ показывают, что *опережение развивающимися странами развитых в 2000–2022 гг. по СГТП ВВП* (4,9% vs 1,6%) лишь на 1/5 можно объяснить более высоким значением доли капвложений в ВВП в РС по сравнению

¹¹ Среди РС более высокие темпы прироста физического объема экспорта наблюдались, как правило, в странах с *высокой долей готовых изделий в товарном экспорте* (в 2021 г. в ЮА3 69%, в РС ВА3 89% (в РГ 69%)) и сравнительно *высокой долей высокотехнологичных изделий в экспорте готовых товаров* (соотв. 10%, 32 и 18%). В трех других регионах РС, в которых динамика физического объема экспорта была ниже, чем в двух группах азиатских стран, были в целом ниже и рассматриваемые параметры (соотв. в АЮС 27 и 6%, в АС 17 и 4%, в ЛА 47 и 15%). Составлено по источникам к диагр. 1.

¹² Рассчитано по источникам к диагр. 1 и [Мельянцеv, 2022(1), с. 16–18].

¹³ Может быть рассчитан делением доли капвложений в ВВП за период на СГТП ВВП.

¹⁴ Т.е. эффективность капвложений в экономике ЛА в истекшие годы ХХI в. была примерно на 2/5 ниже, чем, например, в ЮА3.

¹⁵ $Ln(y_{DCS} / y_{AES}) = Ln[(m_{DCS} / m_{AES}) * (f_{DCS} / f_{AES})]$. Где y , m и f – соотв. СГТП ВВП, доля вложений в основной капитал в ВВП и эффективность капвложений; DCS и AES – соотв. РС и РГ.

с РГ (27% vs 22%) и на 4/5 (!) более высоким значением эффективности капложений (0,18 vs 0,07).

То, что у РГ проблемы с динамикой эффективности производства, подтверждается также следующими фактами. По имеющимся данным Всемирного банка, в 2000–2021 гг. СГТП *производительности труда* в целом по РГ (0,9%; в США 1,4%, в Германии и Японии по 0,4%) оказался вчетверо ниже, чем *в среднем* по РС (4%). Правда, по группам РС показатель сильно варьирует: в РС ВАЗ и ЮАЗ – соотв. 6,3 и 4,5%, в АЮС 1,5%, в АС и ЛА – по 0,8%.

По нашим расчетам, в целом по миру, несмотря на существенный прогресс, достигнутый в последние десятилетия в технологиях и инновациях и углубление МРТ, происходит *заметное снижение СГТП СФП* – с 1,9% в 1950–1980 гг. до 1,3% в 1980–2000 гг. и 1% в 2000–2022 гг., на наш взгляд, обусловленное прежде всего замедлением СГТП СФП в РГ (соотв. с 2,5% до 1,6 и 0,7%; см. диагр.3).

Между тем, в тех РС (КНР, Индия, азиатские НИС), которые проводили прагматичную и последовательную политику экономической модернизации, направленную на повышение международной конкурентоспособности, качества управления и образования, внедрение как заимствованных, так и (во все большей мере) своих технологических новшеств, СГТП их СФП оказался в последние десятилетия в целом заметно выше, чем в среднем по РГ.

Хотя в ряде других групп РС, в т. ч. в АЮС, ЛА и АС, СГТП СФП был невысок, в целом РС сумели в последние два десятилетия примерно в полтора раза его повысить по сравнению с периодом 1950–2000 гг. – до 1,3%. Более того, если в 1950–1980 гг. РС отставали по рассматриваемому показателю от РГ почти втрое (0,9% vs 2,5%) и в 1980–2000 гг. – более чем вдвое (0,7 vs 1,6%), то в 2000–2022 гг. они (РС) в целом уже обгоняли РГ почти вдвое (1,3% vs 0,7%; см. диагр. 3).

Нельзя, однако, не отметить, что, во-первых, нестабильность мировой экономической и геополитической конъюнктуры в последние 10–15 лет по ряду известных причин резко выросла, что не могло не сказаться негативно на динамике ВВП и производительности даже наиболее быстрорастущих стран мира, в т. ч., например, Китая [Sharma, 2022].

Во-вторых, если по РГ *вклад СФП в прирост ВВП*, хотя в тенденции несколько снизился по сравнению с 1950–1980 гг., составлял в 2000–2022 гг. в целом, пусть не превалирующую, но значительную часть (в среднем до половины) прироста их ВВП, то в среднем по РС он едва ли существенно превышал $\frac{1}{4}$ (хотя и вырос примерно с $\frac{1}{5}$ в 1950–1980 гг. и 1980–2000 гг.). При этом, если в азиатских НИС, КНР и Индии вклад СФП в прирост ВВП в 2000–2022 гг. варьировал от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{5}$, то по АС, АЮС и ЛА он колебался от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{3}$.

В-третьих, если в Индии и Китае *уровень их СФП от среднего значения по РГ* в 1980–2022 гг. вырос в 1,5–1,6 раза до соответственно $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{3}$, то в ряде регионов РС с медленной динамикой производительности, в т. ч. АС, ЛА и АЮС, рассматриваемый показатель сократился более чем на $\frac{1}{4}$, составив к 2022 г. соответственно в первых двух от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$, а по АЮС – менее $\frac{1}{5}$ ¹⁶.

Как видим, РС *в целом* заметно продвигаются по шкале экономического прогресса, но скорость продвижения сильно варьирует в разных регионах и группах РС. Многое, помимо прочего, зависит от их успехов в *инновационной сфере*.

Нельзя не признать, что РГ в целом не препятствуют трансферу в РС простых и средних по сложности технологий (в основном – на коммерческой основе). Однако экспорт из РГ в РС наиболее передовых технологий по соображениям экономической и военной безопасности, как правило, существенно ограничен¹⁷. Это, конечно, не может не сдерживать рост ВВП и производительности в РС.

¹⁶ Рассчитано по материалам диагр. 3 и источникам диагр. 1.

¹⁷ Хорошо известна ныне активно проводимая США политика технологического сдерживания Китая и созда-

Развитие инновационной сферы в РС в немалой мере тормозится и по внутренним причинам: сравнительно невысокий уровень образования и подушевого дохода, невысокое и во многих десятках РС мало меняющееся к лучшему качество социальных институтов, непоследовательность в проведении необходимых реформ, высокая / возросшая в них политическая нестабильность.

Тем не менее, судя по многим признакам, прогресс в инновационной сфере РС зрим и явен, хотя далеко не одинаков в разных группах стран. Среднее число редуцированных (в годах начального образования) *лет обучения взрослого населения* в целом по РС выросло в 1950–2022 гг. более чем вчетверо – до 8–9 лет (с 1/5 до половины от среднего показателя РГ). Индикатор *охвата обучением в высшей школе* увеличился в РС в 1980–2021/2022 гг. почти в 5 раз – до 35–36% (с 1/4 до почти половины от уровня РГ). При этом, однако, если в целом по странам ЛА и РС ВАЗ показатель достиг 50–55% (отставание от РГ примерно на 15–20 лет), то по ЮАЗ и АЮС – 25–27 и 10–12% (отставание от РГ – соотв. на 40 и 60 лет) (рассч. по источникам к диагр. 1).

По *охвату населения интернетом* РС быстро подтягиваются к РГ: с 1/20 (1,4% vs 27%) в 2000 г. до примерно 1/3 (20% vs 66,5%) в 2010 г. и более 2/3 (64% vs 91%) в 2022 г. При этом разрыв между АЮС и ЛА почти двукратный – 43 vs 81%. РС конвергируют к уровню РГ и по *индикатору охвата населения широкополосным интернетом* – с 1/6 (4% vs 24%) в 2010 г. до более 2/5 (15% vs 34%) в 2022 г. Однако при этом в АЮС и ЮАЗ показатель достиг всего 1–2%, в то время как в США и КНР – 37–38%¹⁸.

По *доле внутренних расходов на НИОКР в ВВП* в целом РС быстро сближаются с РГ: с менее 1/5 (0,4% vs 2,2%) в 1980 г. до 3/5 (1,9% vs 3,1%) в 2022 г. Весьма весом вклад КНР, в которой показатель достиг 2,5%, что выше, чем в ряде РГ и, увы, вдвое выше, чем в РФ. Между тем в ЮАЗ, АС и ЛА его значение не превышает 0,7–0,8% ВВП, а в АЮС 0,3% (сост. и рассч. по источникам к диагр. 1). По *показателю числа поданных заявок на патенты на 1 млн. жителей* КНР, в которой он вырос за последние два десятилетия более чем в сорок раз (до 1,2–1,3 тыс. в год), опережает Индию в 26 раз, ЛА – в 13–14, РФ в 4–5 раз, Германию – на 2/5. Но при этом все еще отстает от США на 2/5, примерно вдвое – от Японии и вчетверо от Республики Кореи (РК).

Хотя, например, по доле в *общей мощности установленных суперкомпьютеров* РС сильно отстают от РГ (в 2010 г. 27% vs 73% и в 2022 г. 11% vs 89%)¹⁹, а мощность самого производительного суперкомпьютера в КНР в 2022 г. была на порядок меньше, чем в США (соотв. 93 vs 1102 петафлопса²⁰), ряд РС, в т. ч. входящих в БРИКС, наращивают свои усилия в создании сверхмощных компьютеров, а КНР, по имеющимся сведениям, сделала существенный прорыв в сфере квантовых компьютеров.

Кроме того, за счет Китая идет заметное сокращение разрыва в использовании роботов между РС и РГ. Отставая в *числе применяемых промышленных роботов* на 10 тыс. промышленных работников от Сингапура, РК, Тайваня в среднем в 4–5 раз, от Японии и Германии – вдвое и от США – на четверть, КНР значительно увеличила свою долю от общемирового числа новых устанавливаемых промышленных роботов – с менее 1/3 в 2016 г. до более 1/2 в 2021–2022 гг.²¹

ния обширной системы разнообразных экономических санкций по политическим причинам против Ирана и РФ. Это, конечно, негативно сказывается на их экономиках. Правда, в реальности, вследствие предпринятых этими странами контрмер и их поддержки, прямой и косвенной, другими РС, политика санкций и сдерживания оказывается в целом далеко не столь эффективной. Это важная тема, но – специального исследования.

¹⁸ Составлено и рассчитано по источникам к диагр. 1 и [Internet World Stats, 2023].

¹⁹ Рассчитано по данным о первых пятидесяти сверхмощных компьютерах мира по: [Top 500, 2022].

²⁰ 1 петафлопс – 10¹⁵ операций в секунду.

²¹ Составлено и рассчитано по: [International Federation of Robotics, 2022, p. 11, 16–18, 20–30].

Хотя место на *шкале инновационного прогресса* ряда РС, в т. ч. АЮС, ЛА и АС, существенно ниже тренда инновационного развития²², сгенерированного по уровню подушевого ВВП (см. граф. 1),²³ ряд других, преимущественно быстрорастущих азиатских РС, расположены выше тренда. Например, Индия, Вьетнам, Таиланд, Малайзия, не говоря уже о РК. Относительный уровень инновационного развития Китая, сделавшего стратегическую ставку на прорывное развитие в сфере науки и технологий, *вдвое выше той планки*, которая соответствует его подушевому ВВП, и он *по уровню инновационного развития практически находится в группе РГ*, занимая позицию выше Испании, Италии, Австралии, Канады, Японии и Франции.

ФИНАНСОВЫЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДОГОНЯЮЩЕГО РАЗВИТИЯ

Экономический прогресс РС имеет и значимые позитивные плоды, и немалые издержки. Вышеприведенные факты и ряд других, о которых пойдет речь ниже, говорят о том, что вследствие существенных успехов нескольких десятков РС международная конкурентоспособность всей группы РС выросла относительно РГ, в которых, как отмечалось, в последние десятилетия динамика эффективности производства снизилась.

По нашим подсчетам по имеющимся данным за 2013–2022 гг., совокупное *сальдо платежного баланса по текущим операциям* (ПБТО) в РС (4,37 трлн долл.) оказалось почти в 34 раза (!) больше, чем в целом по РГ (0,13 трлн долл.). При этом, что симптоматично, совокупное *положительное сальдо* ПБТО (а) стран Восточной и Южной Азии (4,2 трлн) и (б) Западной Азии (1,1 трлн долл.)²⁴ по абсолютной величине (5,3 трлн долл.) было соразмерно колоссальному совокупному *отрицательному сальдо* ПБТО США ((–) 5,1 трлн долл.) (рассч. по: [The UN, 2023, p. 147]), продолжающих терять позиции по ряду векторов развития.

Рассчитав *расширенный индекс беспокойства* (РИБ), включающий четыре ключевых макроэкономических и социальных показателя²⁵ по группе РГ и странам БРИКС за 2000–2022 гг., можно обнаружить, что в первой группе стран ситуация резко ухудшилась – с 9 п.п. в 2000 г. до 19 п.п. в 2022 г. Сказались, как представляется, эффекты глубокого финансово-экономического кризиса, охватившего РГ, его последствий, финансовой накачки во время пандемии и общая утрата ряда конкурентных преимуществ, которые стали переходить к РС, в т. ч. к таким крупным динамичным странам, как Китай и Индия.

По странам БРИКС *рассчитанный нами РИБ*²⁶, который в 2000 г. был на 2/3 выше, чем по РГ, к 2022 г. снизился – с 15 до 13 п.п., став на 1/3 ниже, чем по РГ. Это было в немалой мере следствием успехов двух упомянутых гигантов, а также достаточно быстрого экономического роста РФ до начала/середины 2010-х гг., когда произошло ужесточение политики, проводимой странами Запада, по сдерживанию ее развития, а также, хотя в более

²² О конкуренции в сфере инноваций в РГ и РС см.: [Инновационная конкуренция, 2020].

²³ График 1 находится на цветной вклейке.

²⁴ Как отмечалось, РС по многим характеристикам макроэкономической результативности сильно дифференцированы. Это проявляется и в том, что в отличие от РС ВА3 и ЮАЗ, в рассматриваемый период совокупное сальдо ПБТО по Африке и ЛА было отрицательным – соответственно (–)0,9 трлн и (–)1,1 трлн долл.

²⁵ Предложен композитный показатель суммы четырех ключевых макроиндикаторов в проц. пунктах (п.п.): годовой потребительской инфляции, безработицы, минус сумма (бюджетного баланса и платежного баланса по текущим операциям, в % от ВВП). Ранее композитный показатель ОЭСР включал только первые два компонента. Представляется, что четырехкомпонентный показатель может лучше отразить состояние макроэкономической и социальной неустойчивости / неблагополучия и может быть полезен при межвременных и межстрановых сопоставлениях. Чем он выше, тем ситуация в стране, регионе, как правило, хуже.

²⁶ Это – взвешенный по пяти странам показатель по объему их ВВП.

слабой степени – Китай. Не случайно поэтому РИБ по БРИКС после заметного снижения (с 15 п.п. в 2000 г. до 10 п.п. в 2012 г.) затем в целом вырос, как отмечалось, до 13 п.п. в 2022 г.²⁷

Несмотря на ряд описанных выше успехов РС, форсированное наращивание во многих десятках из них доли капиталовложений в ВВП, сравнительно низкая эффективность инвестиционных проектов (прежде всего в АЮС, ряде АС и ЛА)²⁸, возникновение т. н. узких мест и перекосов в экономике, а также продовольственных, энергетических и иных дефицитов, ужесточение условий внешнего заимствования привели в РС к увеличению задолженности.

Если в среднем по РГ *совокупный непогашенный долг к ВВП* в 1980–2022 гг. вырос примерно в 1,9 раза до 340%, то в целом по РС – существенно больше – в 2,4 раза до 210% их ВВП. Четыре с лишним десятилетия назад показатель общей задолженности (к ВВП) последних не достигал половины от РГ. В 2022 г. его величина превысила 3/5 «планки» последних²⁹. Значительный рост, правда, преимущественно внутренних, долгов произошел в КНР, в которой коэффициент предельной капиталоемкости роста ВВП за последние 15–20 лет увеличился почти вдвое. Если в 2007 г., до начала глобального финансово-экономического кризиса, показатель совокупного долга КНР к ее ВВП был больше, чем в среднем по другим РС в 1,5 раза, то в 2022 г. – уже в 2,1 раза и достиг ~ 290% ее ВВП³⁰.

Об *экологической «цене»* экономического роста РС написано немало. Подчеркнем, что, несмотря на ряд мер, принятых ими по уменьшению углеродного следа, на них, по имеющимся данным, в 1990–2019 гг. приходилось, в частности, 94–96% прироста выбросов двуокиси углерода, в т. ч. на КНР – свыше 3/5. Если в РГ, которые сильно озабочены состоянием своей окружающей среды и делают немало для «озеленения» своего экономического роста, в т. ч. действуя весьма «креативно», переправляя в РС экологически грязные производства, выбросы двуокиси углерода на одного человека в год сократились в рассматриваемый период почти на 1/5, то в РС в целом картина иная.

Ускоренная индустриализация и урбанизация привели к тому, что вышеприведенный показатель увеличился на 3/5, в т. ч., например, в ЮАЗ в 2,5 раза, в РС ВАЗ – в 3,5 раза, в КНР – в 4 раза до 7,6 тонн. Значение этого параметра в КНР в 2019 г. было больше в 11 раз, чем в АЮС, в 5 раз – чем в ЮАЗ, втрое – чем в ЛА и достигло 9/10 от среднего уровня РГ (притом, что ПВВП КНР не превышал 1/3 от показателя РГ) (рассч. по источникам к диагр. 1).

Как отмечалось, по такому ёмкому социально-экономическому показателю, как ИЧР, РС в целом существенно конвергировали к уровню РГ, в т. ч. по его важнейшему компоненту – *средней продолжительности предстоящей жизни от рождения* – с менее 3/5 в 1950 г. (37 vs 66 лет) до 9/10 (71 vs 79 лет) в 2022 г. Однако дифференциация, и весьма немалая, остается по т. н. показателю средней продолжительности предстоящей *здоровой* жизни от рождения между наименее развитыми странами и РГ (48–50 vs 72–74 года [*Healthy Life Expectancy*, 2023]).

Быстрый экономический рост, в т. ч. в ряде крупных РС, таких как Китай, и реализация программ социального развития способствовали тому, что доля т.н. *критически бедного населения* (критерий – подушевое потребление менее 2,15 долл. в ППС 2017 г.) в общей его численности сократилась в целом по РС за последние 30 лет значительно – с 1/2 до

²⁷ Рассчитано по источникам к диагр. 1 и [*The Economist*, 2001, 2013, 2023].

²⁸ Вследствие ошибок и просчетов в планировании, отсутствии координации в реализации проектов, нехватки кадров, бюрократической волокиты, коррупции и др. причин.

²⁹ Рассчитано по источникам к диагр. 1 и [*Wheatley*, 2023].

³⁰ Рассчитано по источникам к диагр. 1 и [*IMF*, 2022, p.7].

1/10. Однако доля умеренно бедных (критерий – подушевое потребление свыше 2,15 долл., но менее 6,85 долл. в ППС 2017 г.) выросла на 1/5, а их абсолютная численность – почти удвоилась с 1,6 млрд до 3 млрд человек. Если и в Китае и ЛА сильно сократившаяся общая доля бедного населения уже составляет немногим более ¼, то в ЮАЗ и АЮС – свыше 4/5. За рассматриваемый период абсолютная численность бедного населения увеличилась в них соотв. более чем на 1/3 (с 1,1 млрд до 1,5 млрд человек) и примерно вдвое (с 460 млн. до 1 млрд человек) (сост. и рассч. по источникам к диагр. 1).

Если судить по *индексу социального прогресса* (ИСП)³¹, по которому имеются данные за 2011–2022 гг., то по семерке крупных РГ он едва ли сколько-нибудь заметно увеличился (с 85 до 86,2), в то время как по странам БРИКС показатель вырос с 56,2 до 64, и СГТП ИСП в последних оказался на порядок выше: 1,2% vs 0,1%. В результате страны БРИКС по ИСП в целом существенно подтянулись к уровню РГ – с 2/3 до ¾.

Но это так называемые средние цифры. Между тем степень *инклюзивности развития*, как экономическая, так и социальная, во многих афро-азиатских и латиноамериканских странах остается весьма низкой. Данные о концентрации богатства, приходящегося на «топовый» 1% населения, свидетельствуют о том, что если в КНР и Европе этот показатель составлял в 2021 г. «всего» 30–31% (что тоже очень много) и даже в США – 35%, то в Индии и ЛА он достигал 39–41%, а в Африке 44–45% [*Credit Suisse*, 2022, p. 140]. Хотя по ряду социально-экономических метрик положение бедных слоев населения даже в субсахарских и южноазиатских странах медленно, но в тенденции меняется к лучшему, тем не менее (а) высокий уровень неравенства, существующий в немалом числе стран Востока и Юга, а также (б) политика дискриминации и сдерживания, проводимая экономически продвинутыми государствами в отношении многих из них, тормозит их экономическое и социальное развитие (см.: [*The World Bank*, 2022]).

Резюмируя, подчеркнем, что в отличие от РГ, в которых, несмотря на переход к технологиям 3-й и 4-й промышленной революции, в результате обострения внутренних противоречий и утраты ими ряда конкурентных преимуществ произошло значительное замедление роста производительности, РС в целом добились за последние десятилетия *сравнительно* больших успехов. Обнаружилась заметная конвергенция РС к РГ по уровню подушевого ВВП, производительности, индексам человеческого развития и социального прогресса.

Доля РС в мировом ВВП выросла в полтора раза с 2/5 в 1980 г. до 3/5 в 2022 г. (рассч. по источникам к диагр. 1) и, по имеющимся прогнозам,³² увеличится еще на треть до ¾ к середине столетия [Gedminas, Kevin, 2023]³³. Этот важный параметр относительной экономической мощи стран Востока и Юга в целом, похоже, приближается к их доле в мировом продукте, которая существовала до экономического рывка стран Запада в результате промышленной революции и колониального порабощения почти всей другой, незападной, части мира.

Чтобы прогресс в РС был более ровным, равномерным и динамичным и его лучше могли почувствовать миллиарды людей в странах Глубокого Юга, необходимо значительно активизировать проведение в них инклюзивных институциональных и экономических реформ и изменение глобального мирового порядка в пользу РС, в которых ныне проживает почти 7 из 8 миллиардов жителей Земли.

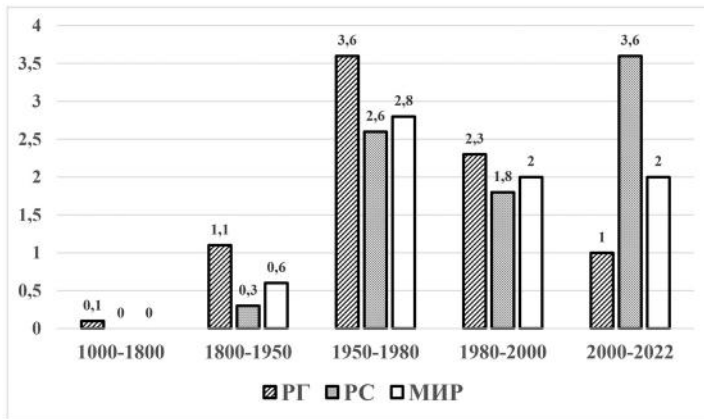
³¹ Меняется от 0 до 100. В него включены показатели здравоохранения, образования, состояние окружающей среды, личная безопасность, инклюзивность предоставления социальных услуг и др. [*Social Progress Index*, 2023].

³² О факторах, определяющих постепенное повышение роли РС в мировой экономике в последние десятилетия и в долгосрочной перспективе см.: [*Mup* 2035, 2017].

³³ Рассчитано в ППС 2017 г. по источникам к диагр.1 и [Gedminas, Kevin, 2023].

Диаграмма 1. Среднегодовые темпы прироста (СГТП) подушевого ВВП (ПВВП) в ныне развитых государствах (РГ), развивающихся странах (РС) и в целом по миру, 1000–2022 гг., %

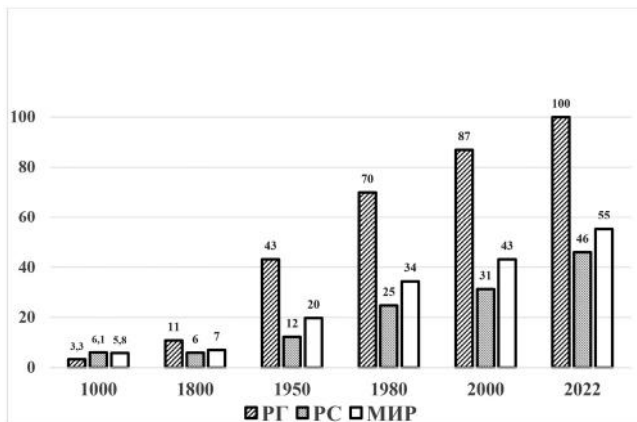
Diagram 1. Average annual growth rates (AAGR) of per capita GDP (PCGDP) in now advanced economies (AEs), developing countries (DCs) and the whole world, 1000–2022, %.

Диаграммы 1–3 рассчитаны по: [Maddison, 2007, p. 376–383; Мельянцеv, 2013, с. 9, 25–26; IMF Data; The UN, 2023, p. 123–131; UNCTADstat; UNDP.Data; World DataBank].

Диаграмма 2. Динамика индекса человеческого развития (ИЧР, D) в ныне развитых государствах (РГ), развивающихся странах (РС) и в целом по миру, 1000–2022 гг. (РГ в 2022 г. = 100).

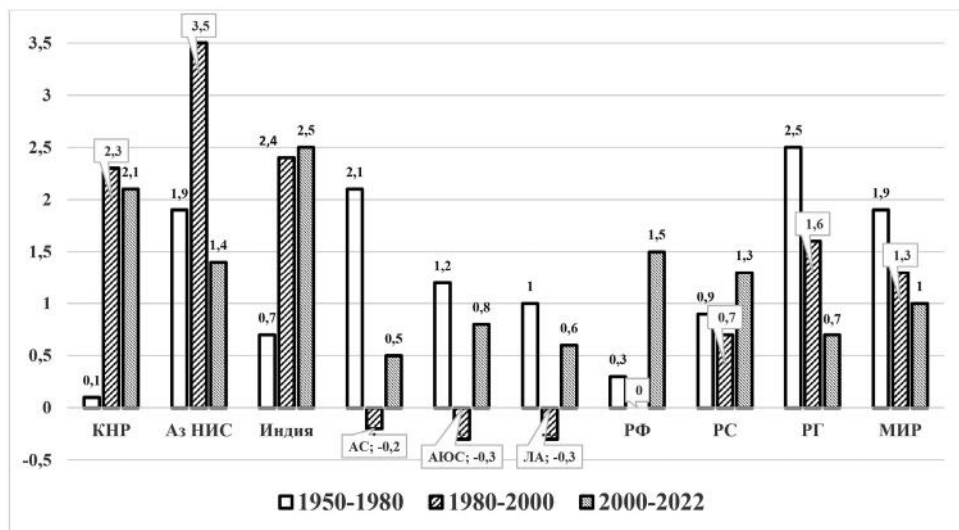
Diagram 2. Dynamics of the Human Development Index (HDI, D) in now advanced economies (AEs), developing countries (DCs) and the whole world, 1000–2022 (AEs in 2022 = 100).

Примечания. 1. ИЧР (D) рассчитан по формуле : $D_{ij} = [(A_{ij}/A_u) * (B_{ij}/B_u) * (C_{ij}/C_u)]^{1/3} * 100$, %, где A_{ij} , B_{ij} , C_{ij} для каждой (i) страны/региона и для каждого (j) года означают соответственно подушевой ВВП в ППС 2017 г. (долл.), среднюю продолжительность предстоящей жизни от рождения (в годах) и среднее редуцированное (в годах начального образования) число лет обучения взрослого населения за 1800–2022 гг. (за 1000 и 1800 расчеты учитывали оценки уровня грамотности взрослого населения). A_u , B_u , C_u - аналогичные показатели в среднем по РГ за 2022 г. 2. РС – включая НИС и страны с переходной экономикой. 3. ИЧР по группам стран и в целом по миру взвешен по численности населения.

Диаграмма 3. Среднегодовые темпы прироста (СГТП) совокупной факторной производительности (СФП) в целом по миру, в развитых государствах (РГ), в важнейших странах и группах стран развивающегося мира в 1950–2022 гг., %.

Diagram 3. Average annual growth rates (AAGR) of Total Factor Productivity in the whole world, advanced economies (AEs), in the main countries and groups of countries of the developing world in 1950–2022, %.

Примечание. 1. РС – развивающиеся страны (включая НИС и переходные), Аз НИС – азиатские новые индустриальные страны, АС – арабские страны, АЮС – Африка южнее Сахары, ЛА – Латинская Америка. 2. Рассчитано по формуле: $r = y - [\alpha \cdot l + (1-\alpha) \cdot k]$, где y , l , k и r – СГТП ВВП, занятости, основного капитала и СФП. 3. Средние показатели эластичности изменения ВВП по рабочей силе (α) и капиталу ($1-\alpha$) взяты равными по РГ в 1950–1980 и 1981–2000 гг. 0,65 и 0,35, в 2001–2022 гг. 0,6 и 0,4; в КНР в 1950–1980 гг. 0,65 и 0,35 и в 1981–2022 гг. 0,6 и 0,4. По другим РС и РФ в 1950–2022 гг. 0,65 и 0,35.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Развивающиеся страны в политической экономике посткоронавирусного мира. *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. № 9. С. 5–14 [Abramova I.O., Fituni L.L. Developing Countries in the Political Economy of the Post-Coronavirus World. *World Economy and International Relations*. 2020. No. 9. Pp. 5–14 (in Russian)].

Аджемоглу Д., Робинсон Дж. *Узкий коридор*. М.: АСТ, 2021 [Acemoglu D., Robinson J. *The Narrow Corridor*. New York: Penguin Books, 2019 (in Russian)].

Акаев А.А. *От великой дивергенции к эпохе великой конвергенции*. М.: ЛЕНАНД, 2015 [Akaev A.A. *From the Great Divergence to the Era of the Great Convergence*. Moscow: LENAND, 2015 (in Russian)].

Акимов А.В. Глобализация на Востоке: лидерство и препятствие для модернизации. *Страны Востока и Россия в глобальных процессах*. Отв. ред. И.В. Дерюгина. М.: ИВ РАН, 2022. С. 81–92 [Akimov A.V. Globalization in the East: Leadership and an Obstacle to Modernization. *The East and Russia in Global Processes*. Ed. by I.V. Deryugina. Moscow: IOS RAS, 2022. Pp. 81–92 (in Russian)].

Дерюгина И.В. Неравномерность экономического роста в современных концепциях. *Экономический рост в странах Востока: тенденции, неравномерность, неравенство социального развития*. Кн. 1. Отв. ред. И.В. Дерюгина. М.: ИВ РАН, 2020. С. 17–32 [Deryugina I.V. Unevenness of

Economic Growth in Contemporary Concepts. *Economic Growth in the East: Trends, Unevenness, Inequality in Social Development*. Book 1. Ed. by I.V. Deryugina. Moscow: IOS RAS, 2020. Pp. 17–32 (in Russian)].

Инновационная конкуренция. Отв. ред. Н.И. Иванова. М.: Весь мир, 2020 [*Innovative Competition*. Ed. by N.I. Ivanova. Moscow: Ves Mir, 2020 (in Russian)].

Мельянцев В.А. *Анализ важнейших трендов глобального экономического роста*. М.: Издательство «Ключ-С», 2013 [Meliantsev V.A. *Analysis of the Most Important Trends in Global Economic Growth*. Moscow: Izdatelstvo “Klyuch-S”, 2013 (in Russian)].

Мельянцев В.А. Основные тенденции, детерминанты и проблемы-противоречия современного экономического роста в развитых и развивающихся странах. *Восток (Oriens)*. 2021. № 5. С. 203–215 [Meliantsev V.A. Main Trends, Determinants and Problems of Modern Economic Growth in Developed and Developing Countries. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 5. Pp. 203–215 (in Russian)]

Мельянцев В.А. Влияние накопления, человеческого капитала и институтов на рост производительности в развитых и развивающихся странах. *Азия и Африка сегодня*. 2022(1). № 2. С. 14–28 [Meliantsev V.A. The Impact of Accumulation, Human Capital and Institutions on Productivity Growth in the Advanced Economies and Developing Countries. *Asia and Africa Today*. 2022(1). No. 2. Pp. 14–28 (in Russian)]

Мельянцев В.А. Глобализация, ее плоды и тени. *Страны Востока и Россия в глобальных процессах*. Отв. ред. И.В. Дерюгина. М.: ИВ РАН, 2022(2). С. 53–67 [Meliantsev V.A. Globalization, Its Fruits and Shadows. *The East and Russia in Global Processes*. Ed. by I.V. Deryugina. Moscow: IOS RAS, 2022(2). Pp.53–67 (in Russian)].

Мир 2035. Глобальный прогноз. Ред. А.А. Дынкин. М.: Магистр, 2017 [*The World in 2035. Global Forecast*. Ed. by A.A. Dynkin. Moscow: Magistr, 2017 (in Russian)].

Цветкова Н.Н. Неравенство в распределении доходов в странах Азии и Африки и роль ТНК. *Экономический рост в странах Востока: тенденции, неравномерность, неравенство социального развития*. Кн. 1. Отв. ред. И.В. Дерюгина. М.: ИВ РАН, 2020. С. 197–216 [Tsvetkova N.N. Income Inequality in Asia and Africa and the Role of TNCs. *Economic Growth in the East: Trends, Unevenness, Inequality in Social Development*. Book 1. Ed. by I.V. Deryugina. Moscow: IOS RAS, 2020. Pp. 197–216 (in Russian)].

Credit Suisse. Global Wealth Databook, 2022. Geneva, 2022.

Gedminas T., Kevin D. The Path to 2075: Slower Global Growth, But Convergence Remains Intact. *The VoxEU*. 04.01.2023. <https://cepr.org/voxeu/columns/path-2075-slower-global-growth-convergence-remains-intact> (accessed: 04.01.2023).

Healthy Life Expectancy. <https://www.worldlifeexpectancy.com/healthy-life-expectancy-by-gender> (accessed: 10.02.2023).

IMF. 2022 Global Debt Monitor. Washington, D.C., 2022.

IMF Data. <http://www.imf.org> (accessed: 04.01.2023).

International Federation of Robotics. World Robotics, 2022. *Frankfurt am Main*, 2022. https://ifr.org/downloads/press2018/2022_WR_extended_version.pdf (accessed: 20.02.2023).

Internet World Stats. Internet Usage Statistics, 2023. <https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (accessed: 20.02.2023).

Maddison A. *Contours of the World Economy, 1-2030 AD*. Oxford: Oxford University Press, 2007.

Rodrik D. A Better Globalization Might Rise from Hyper-Globalization’s Ashes. *The Project-Syndicate*. 10.11.2022. <https://www.project-syndicate.org/commentary/after-hyperglobalization-national-interests-open-economy-by-dani-rodrik-2022-05> (accessed: 09.05.2023).

Sharma R. China’s Economy Will Not Overtake the US Until 2060, If Ever. *The Financial Times*. 24.10.2022. <https://www.ft.com/content/cff42bc4-f9e3-4f51-985a-86518934afbe> (accessed: 12.03.2023).

The Economist. Economic & Financial Indicators, 2001, 2013, 2023.

The Social Progress Index. <https://www.socialprogress.org> (accessed: 10.02.2023).

The UN. World Economic Situation and Prospects, 2023. New York, 2023.

The World Bank. Poverty and Shared Prosperity, 2022. Washington, D.C., 2022.

Top 500. <https://www.top500.org> (accessed: 10.02.2023).

UNCTADstat. <http://unctadstat.unctad.org> (accessed: 10.02.2023).

UNDP Data. <http://hdr.undp.org/en/data> (accessed: 10.02.2023).

Wheatley J. Developing Countries' Debts Mount as Pandemic and Strong Dollar Hit Finances. *The Financial Times*. 23.02.2023. <https://www.ft.com/content/107cd26b-7fb0-4ff6-b698-350b8d3bee7a> (accessed: 23.02.2023)

WIPO. Global Innovation Index, 2022. Geneva, 2022. <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-2000-2022-en-main-report-global-innovation-index-2022-15th-edition.pdf> (accessed: 20.02.2023).

World DataBank. <http://databank.worldbank.org> (accessed: 10.02.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МЕЛЬЯНЦЕВ Виталий Альбертович – доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, профессор, зав. кафедрой международных экономических отношений стран Азии и Африки Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Vitalii A. MELIANTSEV, DSc (Economics), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Head of the Department of International Economic Relations of Asian and African Countries, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Иллюстрация к статье В.А. Мельянцева

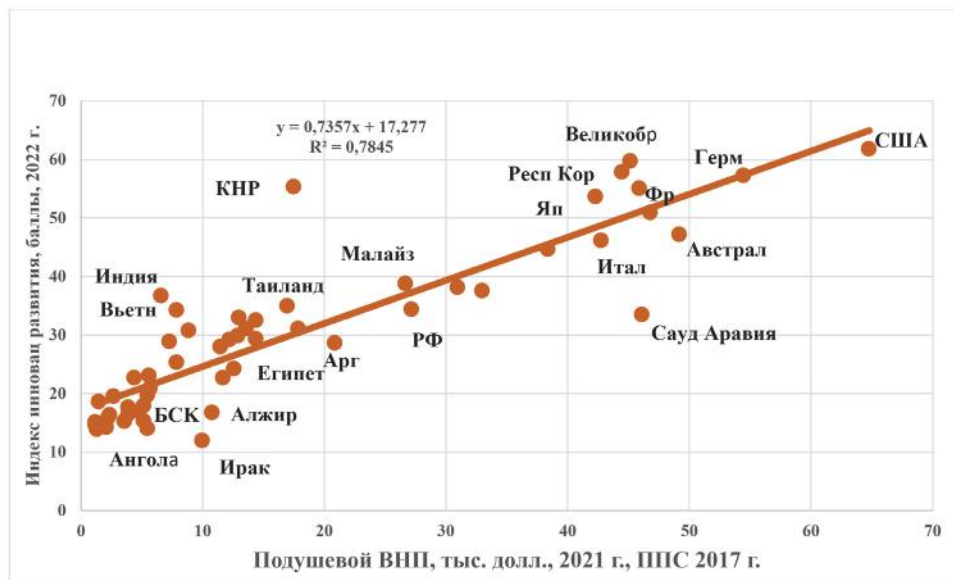

График 1. Взаимосвязь подушевого ВВП в 2021 г. (в ППС 2017 г.) и индекса инновационного развития 2022 г.

Graph 1. Interrelationship of per capita GNP for 2021 (in 2017 Purchasing Power Parities) and Global Innovation Index for 2022.

Рассчитано по 54 крупным и средним странам мира по источникам к диагр. 1, а также [WIPO, 2022, p. 19].